

Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.29-42 (в соавторстве с Н.Б. Лебедевой)

Н.Д. ГОЛЕВ, Н.Б. ЛЕБЕДЕВА
ТРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ОДНОМУ ДЕЛУ (К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ПРЕЗУМПЦИЙ ЭКСПЕРТОВ)

В данной статье на примере трех филологических экспертиз одного судебного дела по защите чести, достоинства и деловой репутации рассматриваются проблемы, возникающие у привлеченных для лингвистической экспертизы филологов. Разноречивость результатов этих экспертных заключений, субъективизм, недостаточная убедительность (как представляется, даже для самих авторов) выводов, неопределенность и слабая эксплицированность методик, оценок и доводов свидетельствуют о слабой проработанности принципов и критериев филологического решения таких вопросов. Видимо, дело это новое, не освоенное ни судами, ни экспертами-филологами и требующее определенной регламентации. Пока оно происходит стихийно, и создаваемая пестрая картина требует своего осмысления. А жизнь показывает, что эта важнейшая область общественного бытия требует высокого профессионализма, предполагающего специфическую подготовку. Для осуществления экспертной деятельности требуется определенная научная база, включающая специфическую (!) кодификацию норм, принципов, методик, терминологического аппарата. На этом фоне ощущается недостаток профессионализма в этой стороне судебного дела не только привлекаемых (часто случайно) экспертов, но и самого суда. Юристы нередко обнаруживают упрощенное, наивное представление о собственно лингвистической сути дела. Уже стал своего рода анекдотом тем не менее нередко встречающийся в массовой юрислингвистической практике совет юристов экспертам-филологам: «посмотрите в словарь Даля и скажите, это оскорбление или нет». Тем не менее здесь есть определенные сдвиги. Особенно отрадно, что начало им положено профессиональными лингвистами.

В русле Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) началась большая, своевременная и весьма непростая работа по выработке различных норм этого вида деятельности. Но работа только начата, собирается и публикуется фактический материал по лингвистическим экспертизам, начинается осмысление опыта и выработка рекомендаций. Этот путь идет (как всегда, если это востребовано самой жизнью) двумя направлениями – «практикой» и

«теорией». Практика привлечения филологов для лингвистической экспертизы полустихийно, полусознанно вырабатывает свои прецеденты, традиции, «правила», что видно из опубликованных текстов лингвистических экспертиз в сборнике «Цена слова» [Цена слова, 2001]. В них собран опыт московских судов, и, как показывает даже беглый взгляд, уже намечается определенное единообразие как в постановке вопросов, так и в ответах экспертов. Это, конечно, обусловлено еще и тем, что представленные экспертизы выполнены одним кругом лингвистов (10 экспертов предоставили свои работы для этого сборника). В судах других регионов, привлекающих других специалистов, видимо, могут вырабатываться (также стихийно), несколько иные нормы и традиции¹.

Другое направление – теоретическое – ставит целью рационально освоить накопившийся опыт, подвести лингвистическую вкупе с юридической, базу под лингвоэкспертную деятельность. Для решения, в частности, такой задачи призвана новая научная область на стыке двух наук – юрислингвистика, проявившая себя в издании регулярного сборника «Юрислингвистика» [Барнаул, 1999, 2000, 2002]. Фондом защиты гласности издан ряд работ [Актуальные проблемы, 1997; Понятия чести, 1997] и др. В сборнике [Цена слова, 2001] решаются обе задачи: приведены тексты экспертиз, что позволяет увидеть складывающиеся традиции, и сделана основательная заявка для практико-теоретического осмысления судебного опыта с выходом в прямые рекомендации, предлагаются терминологические решения, ответы на наболевшие вопросы.

Настоящая статья лежит в русле такого же осмысления одного опыта привлечения филологов-экспертов в судебном иске по защите чести, достоинства и деловой репутации. Особенность данного дела заключается в том, что были приглашены филологи разной спецификации – лингвист, журналист и литературовед (все – высокой квалификации: кандидаты филологических наук, доценты, преподаватели гуманитарного вуза, имеющие к тому же и различное практическое применение своих знаний). Так как фактологическая сторона дела одна и та же, то в нашем распоряжении оказался уникальный «естественный эксперимент», позволяющий выявить особенности экспертизы филологов-экспертов в зависимости от их представлений о чести и достоинстве в их юридической ипостаси, которые, как мы покажем далее, во многом определены их специализацией. Данный материал для анализа может высветить как общие проблемы, так и специфические – в первую очередь субъективные. Такой предмет принципиально важен для экспертной деятельности, так как субъективность является существенной помехой для приведения ее к единообразию.

¹ При этом мы не хотим сказать, что в столице безусловно даются идеальные образцы, а в провинции – сплошной дилетантизм. Осмыслять, оценивать и предлагать свои варианты решения непростых вещей предстоит всем заинтересованным сторонам, и ни у кого не должно быть здесь авансированного приоритета.

Фактологическая сторона иска следующая. В одном сибирском городе семидесятипятилетний ветеран войны и труда В.И. Гладили² через газету поднял вопрос перед городскими властями о необходимости отремонтировать лестницу, ведущую от завода к поселку. В ответ в этой же газете появилась статья «Иждивенчество», в которой автор Николаев (псевдоним главного редактора) упрекает население этого района в иждивенческих настроениях («порою мы слишком уж привыкли во всем полагаться на государство, депутатов, исполнительную власть, на то, что она обязана найти и деньги, и другие ресурсы для удовлетворения наших нужд. Они, но не мы»; «разве в поселке среди тысяч людей не найдется несколько мастеровитых мужиков, еще не разучившихся держать в руках пилу, топор да молоток?»). Заканчивается статья фразой «очевидно, найдутся новые гладилины и все повторится сначала». Гладили подал в суд иск о защите чести и достоинства. Суд определил назначить по делу о защите чести и достоинства и взыскании компенсации морального вреда экспертизу. На разрешение экспертизы были поставлены вопросы:

Затрагивает ли статья А. Николаева «Иждивенчество» честь и достоинство В.И. Гладилина?

Является ли указанная статья оскорбительной для В.И. Гладилина?

Является ли образ, используемый в статье, отрицательным либо собирательным?».

Прокомментируем сначала вопросы, поставленные перед экспертами судом. В книге «Цена слова» (М., 2001) приводятся вопросы к филологам-экспертам, наиболее часто предлагаемые судами по искам о защите чести и достоинства. К ним, по нашим наблюдениям, относятся следующие вопросы: Содержится ли в материале: а) информация об объекте? (вопрос к содержанию в целом – возможно, истец чувствует себя оскорбленным, хотя статья не имеет к нему прямого отношения); б) оценка личности объекта? (если статья указывает непосредственно на истца, то в статье могут быть указаны только факты без оценок, т.е. представлена объективная информация); в) негативная оценка личности объекта? (наличие субъективного, модусного, плана: возможно, оценка имеется, но она нейтральная или позитивная); г) можно ли считать слова или фразы оскорбительными? (видимо, имеется в виду собственно лингвистический аспект – имплицитуют ли языковые средства негативный оценочный компонент). Во второй части указанного сборника («Вопросы – ответы») авторы прямо перечисляют рекомендуемые вопросы. Они считают, что «по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо ответить как минимум на три вопроса: 1. Содержит ли текст информацию о лице? 2. Содержит ли текст негативную информацию о лице? 3. В какой форме – утверждение, предположение – дана эта информация?» [Цена слова,

² Фамилии изменены.

2001, с. 125]. Третий вопрос должен быть задан для того, чтобы отделить мнение автора статьи (иметь и выражать мнение может каждый человек) от утверждения, которое может быть правдой, а может быть клеветой. Но хотелось бы прокомментировать этот вопрос: во-первых, определение, соответствует ли данное утверждение действительности (т.е. клевета или не клевета), находится за пределами возможностей и обязанностей лингвиста, это должен устанавливать суд; во-вторых, необходимо разграничивать клевету (утверждение, не соответствующее действительности) и оскорбление. А именно последнее и интересует суд, так как истец подает иск о защите чести и достоинства³. Таким образом, предлагаемые вопросы не являются бесспорными, окончательными и обязательными (в частности, в них ослаблен собственно лингвистический аспект, необходимый для лингвистической экспертизы), они носят именно рекомендательный и предварительный характер, допускающий дальнейшее обсуждение, дискуссии и уточнение их⁴. Тем не менее такой предварительный опыт имеет неоценимую значимость, и мы в своей работе будем исходить из него в качестве некоторого примера для сопоставления.

Начнем с того, что вопросы, поставленные судом в анализируемом нами деле, не полностью соответствуют рекомендуемым авторами сборника. Первый вопрос (Затрагивает ли статья А. Николаева «Иждивенчество» честь и достоинство В.И. Гладилина?) представляется вариантом рекомендуемого первого вопроса (Содержит ли текст информацию о лице), но является более конкретным и фактически излишним – это перифраза второго вопроса (Является ли указанная статья оскорбительной для В.И. Гладилина?): в русском языке нельзя «задевать честь и достоинство» в позитивном отношении, а только в негативном, что и является, как правило, оскорбительным или обидным. Но, заметим, в вопросе не включено разграничение последних тонких и не до конца ясных отличий⁵. Третий вопрос (Является ли образ, используемый в статье, отрицательным либо собирательным?) нам представляется некорректно сформулированным, а именно – использование дизъюнктивного союза «либо»: образ может быть одновременно и собирательным, и отрицательным. В вопросе же задается альтернатива, как бы подсказывающая ответ: раз образ собирательный, то, следовательно (?), не отрицательный. Но образ, созданный в статье, действительно, собирательный. Это бесспорно и доказывается

³ См. об этом предшествующую статью Н.Д. Голева в данном сборнике.

⁴ Вопрос об обязательности такого рода рекомендаций (кто их вырабатывает? где – в каких нормативных документах – они должны быть записаны? степень обязательности? способ внедрения?) весьма актуален для практики юрислингвистической экспертизы. Более подробно он рассматривается в статье Н.Д. Голева, открывающей настоящий сборник.

⁵ В сб. [Цена слова, 2001, с. 126] предлагается такое разграничение этих понятий: обидными можно считать слова, «которые неприятны человеку, но объективны. Например, человеку тучному может быть обидно слышать о себе «толстый», человеку высокому – «верзила». Но такие «обидные» слова не являются оскорблениями, так как они указывают на какие-либо физические особенности человека».

лингвистически: фамилия конкретного человека написана с маленькой буквы, употреблена во множественном лице, вставлена в типовую фразеологизированную синтаксическую конструкцию («найдутся новые гладилины») – все это средства типизации, создания собирательного образа. Заголовок статьи («Иждивенчество») и контекст, в который поставлена эта фраза, говорит о негативном, с точки зрения автора, социальном явлении. Представляется безусловным, что вопросы, предлагаемые судом для экспертов, должны быть беспристрастными и не «подсказывающими» ответ. Поэтому нам представляется вполне оправданным «совет научным учреждениям, принимающим запросы относительно проведения лингвистической экспертизы того или иного текста», высказанный Ю.А. Бельчиковым: «Для пользы дела было бы целесообразно «принимающей стороне» (если это возможно технически) вместе с запрашивающей стороной – в случае необходимости – вырабатывать окончательную редакцию вопросов, приемлемую с точки зрения лингвистов и вместе с тем полностью отвечающую юридической стороне поставленных вопросов» [Бельчиков, 2001, с. 140–141].

Переходим к анализу текстов экспертных заключений.

Дело рассматривалось несколько раз и, как мы уже отметили, получило три экспертных заключения: лингвиста, журналиста, литературоведа. Заключение лингвиста гласило: «Автор письма В.И. Гладилин, конечно же, заслуживает уважительного отношения к себе и имеет право на какую-либо форму извинения со стороны редакции газеты». Журналист посчитал: «Оценочное суждение, высказанное автором публикации «Иждивенчество», нельзя отнести к фактам и сведениям, умаляющим честь и достоинство гражданина В.И. Гладилина и ставящим его в положение изгоя. Публикатор не может нести за них судебной ответственности, ибо по Конституции РФ каждый имеет право на свободу самовыражения, на свободу мнений и убеждений. Идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности. Они оспариваются в порядке полемики, т.е. ответа (реплики, комментария) в том же СМИ, как это предусмотрено ст. 46 «Закона РФ о СМИ». В данном случае В.И. Гладилин мог бы воспользоваться этим правом, отвечая на неуважительное использование его фамилии в нарицательном значении «...найдутся новые гладилины». Вывод эксперта-литературоведа совпал с мнением эксперта-журналиста: «В статье нет лексики с явной эмоциональной окраской, с оценочными определениями, нет ненормативных языковых средств. Прямым и косвенным адресатом этой статьи В.И. Гладилин не является. Само употребление в качестве нарицательного понятия в конце статьи «найдутся де такие гладилины» читателем может быть понято в значении, что на Руси не переведутся ходоки, решающие не свои личные, а общественные проблемы. Хотя, конечно, этому явлению в статье Николаева недвусмысленно придается негативный смысл.

Это на его совести. К сожалению, нравственные проблемы не прерогатива суда. Поэтому оснований для судебного иска нами не усматривается».

Результаты экспертизы различаются и по выводам, и по выделенным аспектам, и по критериям, положенным экспертами в основу своего заключения. Целью нашего анализа этих текстов является выявление причин этого разнобоя, определения основных способов подхода к решению поставленных задач, доказать, в конечном счете, что необходимо совершенствовать рекомендации, выработать единые принципы и методики лингвистической экспертизы, а следовательно, и внедрять их в среду лингвистов-экспертов для развития их профессионализма.

Лингвист построил свое заключение на разделении содержательной и стилистической сторон статьи. Содержание было оценено как косвенный упрек ветерану войны и труда Гладилину, вкупе с остальными жителями поселка, в иждивенческих настроениях. Стилистический анализ текста распадается на две линии: а) указывается, что не использованы языковые средства, непосредственно задевающие честь и достоинство истца, но б) фамилия уважаемого пожилого человека используется для создания собирательного отрицательного образа. Реакция ветерана, по мнению эксперта, закономерна, поскольку оценка в статье дана определенно негативная, чего он не заслуживает. Таким образом, лингвист исходил из анализа всего текста, привлекая во внимание явные интенции автора, его этическую установку. Можно сказать, что авторы этой экспертизы стоят на позициях, когда «каждая языковая деталь текста воспринимается (и оценивается) в контексте целого текста, а также в рамках микротекста (непосредственного фразового, абзацного окружения слова, словосочетания, грамматической формы, конкретного предложения)» [Бельчиков, 2001, с. 138]. Таким образом лингвистический профессионализм экспертов в данном отношении проявлен. Но, кажется, имеется и выход за пределы лингвистической компетенции⁶, когда автора журят за «незаслуженность упрека». Этический аспект (хороший / плохой объект критики, заслужил / не заслужил упрека) не входит напрямую в сферу лингвистического анализа, о чем не имеют твердого представления эксперты (а возможно, и судьи).

Журналист построил свое заключение с опорой на формальные основания. Он приводит статьи Конституции, Закона РФ о СМИ, протоколы заседания Совета Государственной Думы, для того чтобы подкрепить свой вывод. Логика его доказательства следующая. Оценочное суждение об иждивенческих настроениях в обществе «не является распространением сведений, наносящих ущерб чести и достоинству какому-либо конкретному физическому лицу, в том числе В.И. Гладилину, поскольку оценка не основана на перечне деяний и поступков конкретного лица, не соответствующих

⁶ См. подробнее об этом в предшествующей статье Н.Д. Голева.

действительности. Данное оценочное суждение общественного явления не может быть рассмотрено и как оскорбление В.И. Гладиллина: в тексте публикации не приведено ни одного факта, не соответствующего действительности и тем самым порочащего честь, достоинство конкретного лица – В.И. Гладиллина» (выделено нами. – Н.Г., Н.Л.). Как видим, доказательства журналиста базируются на двух основаниях: отстаивание права журналиста на свободу самовыражения и указание на отсутствие клеветы. Главное при этом, считает журналист, – отсутствие порочащих сведений, не соответствующих действительности, т.е. в статье нет клеветы (а не оскорбления! – это важно отметить⁷). Но здесь имеется серьезное возражение: определение, содержится ли клевета в тексте, или нет, подчеркнем еще раз, находится за пределами компетенции эксперта-филолога⁸. Особо оговаривается конституционное право журналиста на свободу самовыражения, на свободу мнений и убеждений. Ведь «идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности, они оспариваются в порядке полемики, т.е. ответа (реплики, комментария) в том же СМИ», и Гладиллин может «воспользоваться этим правом, отвечая на неуважительное (sic! – Н.Г., Н.Л.) использование его фамилии в нарицательном значении». Таким образом, эксперт, будучи сам журналистом, отстаивает право журналиста на свободу самовыражения, даже на проявление некоторого неуважительного отношения к объекту публикации, оставляя за последним право сражаться за свою честь этим же оружием – печатанием ответа в СМИ, но не в судебном порядке. Что касается собственно лингвистического аспекта, то эксперт указывает только на общеупотребительность лексики, оставляя за пределами экспертизы оценку интенций автора, модусных смыслов текста в целом, стилистику некоторых оборотов и пр. Этический аспект его также не волнует, но это, в отличие от предыдущего заключения, является не столько снижающим профессионализм признаком, сколько, возможно, следствием некоторой тенденциозности (профессиональной солидарности), которая также является проявлением субъективизма. А такой «профессиональный» субъективизм, в свою очередь, можно расценить как «односторонний профессионализм» эксперта.

Филолог-литературовед, выступая в качестве эксперта, как раз акцентирует этические аспекты дела, в первой части своего заключения рассуждая о

⁷ Подчеркнем в связи с этим, что в постановлении суда, направленном экспертам, сказано именно об оскорблении: «Данная статья («Иждивенчество». – Н.Г., Н.Л.) истцом была расценена как **оскорбление** в его адрес, надсмешка (так в тексте постановления. – Н.Г., Н.Л.), неуважительное использование его фамилии».

⁸ То, что и судьи, и журналисты считают, что главное в судах о защите чести и достоинства – выяснение, нет ли в тексте клеветы, говорится в цитированной выше статье журналиста: «Разбирая подобные конфликтные ситуации, судьи не сразу могут определить, можно ли считать оценку журналиста «сведениями, не соответствующими действительности» [Мансурова, 1999, с. 102].

нелегком положении в наше время стариков, лишенных социальной защиты, приводя цитаты из Достоевского и выражая сочувствие пожилому человеку, которому «вместо хлебов протянули камень». Но, по мнению эксперта, все это остается на совести автора, так же, как и негативный смысл использования фамилии в нарицательном смысле: «к сожалению, нравственные проблемы не прерогатива суда». Поскольку «в статье нет лексики с явной эмоциональной окраской, с оценочными определениями, нет ненормативных языковых средств» (собственно лингвистический аспект), а «прямым или косвенным адресатом этой статьи В.И. Гладылин не является» (интенции автора), то эксперт не усматривает оснований для судебного иска: «времена изменились, и пресса защищает сильных мира сего» (таковы новые социальные условия – увы! – и «маленький человек» ничего не может поделывать). В заключительной фразе («оснований для судебного иска нами не усматривается») эксперт, на наш взгляд, также выходит за пределы полномочий лингвистической экспертизы.

Собственно лингвистическая часть экспертизы заключения литературоведа, как и заключения журналиста, недостаточно профессиональны, так как затрагивают только поверхностный лексический слой текста (хочется сказать, на школьном уровне, в лучшем случае – на уровне первого курса студента-филолога). Как ни парадоксально, но именно те, кто должен быть наиболее чувствителен к текстовому уровню статьи – литературовед и журналист – проявляют откровенную беспомощность в анализе текстового лингвистического уровня, оставаясь в рамках собственно содержания (у литературоведа это – выделение этического аспекта в обрамлении литературных аллюзий; у журналиста – выяснение основного, как он полагает, вопроса «клевета / не клевета» с доводами формально-юридического характера). Не будучи собственно языковедами, они оказались не в курсе последних достижений в области лингвистического анализа текста, не владеют аппаратом текстового анализа, сбиваясь на содержательный уровень. Так, по поводу нарицательного употребления фамилии истца литературовед прямо пишет, что «недвусмысленно передается негативный смысл», но не считает корректным с точки зрения собственно лингвистического анализа такой вывод, вытекающий из всего контекста. Лингвист же именно на этом основании признает закономерным иск Гладылина.

Подведем некоторый итог нашего анализа.

Во-первых (и это главный вывод), явно ощущается нехватка конкретно разработанных рекомендаций (или хотя бы образцов) как к постановке и формулировке вопросов к экспертам, так и к самой методике и принципам проведения экспертизы, – рекомендаций, на которые могут опираться и юристы, и филологи в подобных делах. Именно отсутствие теоретически обоснованных и апробированных в реальных судебных процессах принципов,

методик является основной причиной такого «разнообразия» и субъективизма экспертных заключений. В частности (и мы пытались это доказать), этот субъективизм проявляется во влиянии профессиональной направленности подходов: журналист, сознательно или полусознательно, отстаивает позицию своего коллеги, стремясь опереться на формальные доводы; литературовед склонен к морально-психологическим рассуждениям, литературным аллюзиям, к перекосу в сторону абстрактно-этических рассуждений; лингвист четко отделяет содержательную сторону от стилистической (собственно языковой), стремясь учесть вторую в контексте первой. Но и он имеет в основном только то преимущество, что, как лингвист, корректнее отделяет лингвистическую сущность от нелингвистической (это – во-первых), и более профессионально владеет последними достижениями языкознания, вышедшего за рамки автономности и ограниченности соссорианской лингвистики и признавшего функциональный, интенциональный, прагматический аспект текста (это – во-вторых). Но и лингвист, не имея опоры в рекомендательной базе, идет ощупью, опираясь на свой опыт и свою интуицию, делает перекосы в несобственно лингвистическую сферу. Еще раз подчеркнем, что практически всеми (как филологами в широком смысле слова: журналистами, литературоведами, учителями, так и зачастую более узкими специалистами – собственно лингвистами, а тем более – нефилологами, в нашем случае – юристами) лингвистический критерий признается, в основном, один – использование / неиспользование ненормативной лексики, под которой принято понимать обценную, маркированную грубой эмоциональной окраской, с пометой бран. в словарях, потому что в таком случае появляется как бы твердая почва для принятия решения. Отсюда вытекает, что в центр экспертизы обычно ставят лексический анализ, опирающийся на данные словарей⁹, и поэтому практика здесь такова, что «суды принимают решения на основе формализованных признаков соответствия общеупотребительным нормам права, языка и морали» [Мансурова, 1999, с. 104]. До более тонкого и глубинного анализа текста с учетом функциональных, прагматических смыслов в общепринятой судебной практике дело редко доходит. Тем более отрадно отметить, что во многих экспертизах, приведенных в книге [Цена слова, 2001], представлен глубокий текстовый анализ с учетом разных его планов.

Во-вторых (и это вытекает из «во-первых»), предпочтительным является привлечение на первых порах для дачи лингвистической экспертизы собственно лингвистов, а не просто филологов. При этом (видимо, и сама

⁹ Отчасти это можно увидеть в вопросах, которые ставят перед экспертами судьи и адвокаты. См. об этом также [Лебедева, 2000]. Представление, что толковый словарь дает все ответы на лингвистические вопросы существует не только у юристов, ср.: «...какие инстанции и на основе каких шкал и методик могли бы «уравновесить» на весах Фемиды легкость слова с грузом ответственности за него? Толковый словарь русского языка есть далеко не у всех судей» [Мансурова, 1999, с. 97].

жизнь к этому подведет, но и необходимо это делать сознательно в государственном масштабе) необходимо задуматься о профессиональной подготовке специалистов по профилю «лингвист-эксперт». Именно на это направлена деятельность ГЛЭДИС, выпуск спецлитературы, в том числе и сборников, подобных «Юрислингвистике», необходимо разрабатывать программы вузовских курсов, возможно, даже специализаций и приступать к практической работе по их открытию.

В-третьих, чувствуется неразработанность терминологического инструментария, в первую очередь, понятий оскорбления, обиды, клеветы (так, в заключении журналиста клевета и оскорбление не дифференцированы), прямой и косвенной адресности (ср.: по мнению лингвиста, в статье имеется косвенный упрек истцу, по мнению же литературоведа, истец вообще не является ни прямым, ни косвенным адресатом). Эксперты не имеют признанной, общепонятной, желательной подкрепленной авторитетами правовых актов, документов, престижных изданий и другой справочной литературы. Именно такую задачу и должны выполнять издания ГЛЭДИС, сборники «Юрислингвистика», а также специализированная подготовка лингвистов-экспертов в рамках вуза.

Литература

Актуальные проблемы права СМИ. М., 1997.

Бельчиков Ю.А. Размышления по поводу... // Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.

Лебедева Н.Б. О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики (к постановке проблемы) // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.

Мансурова В.Д. Инстанция истины: о соотношении норм языка и права в общественной коммуникации // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.

Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.

Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1999.

Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2000.

Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) // Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С.29-42 (в соавторстве с Н.Б. Лебедевой)